

Журавлёв Александр Алексеевич
(Żurawliew Aleksandr Aleksiejewicz)

Pierwszy Sankt-Petersburski Państwowy Uniwersytet Medyczny
im. Pawłowa, Rosja

**К вопросу о политике большевиков в деле
установления контроля над высшей школой
в 1920-х годах (на примере Петроградского
медицинского института)**

На протяжении второй половины XIX – начала XX столетий российское студенчество стояло в авангарде борьбы за демократические преобразования в стране. Стремление к получению высшего образования для молодых людей не всегда становилось самоцелью. Оказавшись в институтах и университетах, они получали свободу от постоянного и тщательного контроля со стороны преподавателей и родителей. Не случайно именно студенчество стало питательной почвой для народнических организаций. Правительство было обеспокоено подобным поведением части подрастающего поколения и в свою очередь старалось ограничить студенческие свободы. Такая политика правительства вызывала противодействие со стороны учащейся молодёжи. Следует отметить, что в этот период происходил и рост феминистского движения в стране. Борьба женщин за равные права с мужчинами в сфере образования привела к тому, что царское правительство вынуждено было пойти на создание в Петербурге в 1897 году Женского медицинского института. Это было первое высшее учебное заведение, в котором могли обучаться женщины России. Это станет первым шагом в демократизации высшей школы страны. До революции 1917 года женщины могли получать высшее образование только за границей, только в ходе первой русской революции 1905-1907 гг. им будет разрешено поступать в университеты.

Создание нового учебного заведения потребовало от власти определить его статус и положение. В отличие от институтов и университетов учащихся в Женском медицинском институте

называли слушательницами. На учебное заведение было распространено положение университетского устава. Таким образом, на них были распространены все права, которые предоставлялись студентам университетов. Соответственно, слушательницы, как и студенты, получили право на самоуправление, а также на выражение своего недовольства различными сторонами академической или политической жизни. Первые сходы слушательниц привели к тому, что Министерство народного просвещения приняло решение об отставке первого директора института ординарного профессора В.К. фон-Анрепа. Министерство было недовольство и тем, что Василий Константинович отказался устанавливать за слушательницами жёсткий контроль. Часть молодёжи, принимало участие в общероссийских акциях начала XX столетия. Женщины оказались в центре внимания русской общественности, когда министерство решило ограничить автономию университетов в 1911 году. Выступление слушательниц вызвало неадекватную реакцию министра народного просвещения А.А.Кассо¹. Но и в последующие годы они продолжали борьбу за свои права.

В годы Первой мировой войны изменился социальный состав слушательниц института, к тому же исчезла половая особенность учебного заведения. С 1916 учебного года в Петроградский медицинский институт стали принимать и молодых людей, как правило, студентов первых курсов естественного факультета Петроградского университета. Напомним читателям, что Петроградский университет отличался от всех университетов Российской империи - в нём отсутствовал медицинский факультет, это было связано с наличием в столице Императорской Военно-медицинской академии, обеспечивающей не только армию и флот, а также и гражданское население столицы квалифицированными врачами. Учащиеся института оказались захваченными революционными событиями 1917 года и не только продолжали образование, но и участвовали в различных политических событиях, которые происходили в столице².

¹ Журавлёв А.А., *Министерство народного просвещения и слушательницы Женского медицинского института во время студенческой забастовки 1911 года*, „Wschodni Rocznik Humanistyczny”, t. X, 2014, s. 405–420.

² Зимин И.В. Журавлёв А.А., СПбГМУ им.акад. И.П.Павлова: *Этапы большого пути. Возникновение женского медицинского образования в России и создание Женского медицинского института (XVIII – начало XX вв.)*, Sankt Petersburg 2012, s. 156–162.

В октябре 1917 года большевики захватили власть в стране и приступили к социальному эксперименту. Провозглашая равенство всех жителей страны, они провозгласили и равенство в получении высшего образования. Но в силу особенности высшей школы, которая требовала от поступающих на обучение знаний средней школы, а представители трудового крестьянства и пролетариата не могли пройти курс классической гимназии в полном объёме. Это было связано как с платностью образования, так и отсутствием достаточного количества подобных учебных заведений в провинциальных городах Российской империи. К тому же среди студенчества были сильны позиции кадетов и эсеров, что в свою очередь заставляло бороться за ослабление влияния враждебных большевикам политических партий. Началась борьба за студенчество, которая приобретала различные формы. Во-первых, создание партийных ячеек в учебных заведениях, которые и должны были проводить в жизнь политику Советской власти. Во-вторых, создание новых институтов, становившимися конкурентами старой высшей школе. К тому же поступление в них представителей пролетариата и крестьянства обеспечивала лозунг равных возможностей на образование. В-третьих, формирование рабочих факультетов, компенсировавшие недостаточные или слабые знания средней школы. В-четвёртых, борьба со старой профессурой, создание института «красной профессуры» и исключение из учебных заведений неугодных преподавателей.

Одним из первых шагов в деле контроля над высшей школой становится декрет от 2 августа 1918 года «О правилах приёма в высшие учебные заведения РСФСР». В стране вводится заявительный принцип приёма, ликвидированы любые приёмные испытания. Появление декрета вызвало резкую критику со стороны директора института Б.В.Верховского, который направил письмо народному комиссару просвещения А.В.Луначарскому. В нём он высказал свою точку зрения на подобный эксперимент, напоминая, что обучение медицине требовало больших знаний по естественным дисциплинам³. Обратим внимание читателей, что введение этих правил привело к многократному увеличению числа студентов. Если в дореволюционный период была определена норма приёма в 250 студентов на первом курсе, то уже в годы Первой мировой войны численность

³ Журавлёв А.А., *Пора, наконец, предоставить русской высшей школе, жить её собственным умом*, „Исторический архив” 2013, nr 6, s. 128–138.

обучающихся была увеличена до 300-350. После публикации декрета от 2 августа 1918 года количество желающих обучаться возросло неимоверно и составляло от 1.000 до 1.500 человек. С таким огромным количеством студентов не могла справиться ни одна кафедра. В дальнейшем количество поступавших в институт студентов снизилось, но оставалась проблема в качестве подготовки. Отметим, что за период совместного обучения мужчин и женщин в институте за период с 1917 по 1922 года получили дипломы лекаря только 39 мужчин⁴, хотя мужчины в институте составляли и составляют меньшинство обучающихся. Количество женщин, получивших дипломы, было также не велико. Подобная ситуация была связана с трудной обстановкой в Петрограде, да и сложностью в обучении, когда студенты вынуждены были кроме обучения заниматься дежурствами в клиниках и лазаретах института, отбывать трудовую повинность и заниматься общественной работой. Тем самым большой приём студентов не мог обеспечить большое количество завершивших обучение. К решению этого вопроса большевики приступили в середине 1920-х годов.

Этому способствовали утверждение нового положения о высшей школе РСФСР 3 июня 1922 года, завершение Гражданской войны и необходимостью восстанавливать разрушенную экономику страны. К этому времени в институтах числилось огромное количество студентов, которые продолжали обучаться сверх установленного срока в 5 лет. По сведениям, предоставленным институтом в 1923 году, успешно завершили обучение 198 человек. Из них по 79 выпускникам (39,9%) сведения отсутствовали, а остальные: за 5 лет завершили обучение – 51 (25,75%) выпускник; за 6 – 34 (17,2%); за 7 – 23 (11,6%); за 8-10 лет – 11(5,8%)⁵. Таким образом, только четверть студентов набора периода Гражданской войны смогла завершить обучение в отведённый пятилетний норматив. Советская власть для сокращения числа студентов выбрала два основных пути. Во-первых, сокращение приёма в институт, то есть вновь вернулись к дореволюционной численности первого курса в 200-250 студентов. Во-вторых, прибегли к академическим чисткам, когда исключались из института лица, имевшие большое количество не сдавших зачётов и экзаменов. Следует отметить, что рассмотрение отчисления студентов велось не только по

⁴ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (в дальнейшем ЦГА СПб.) Ф. 3132. Оп. 1. Д. 65. Л. 229.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 147. Л. 15.

успешности в обучении, часто мотивами для исключения являлось социальное происхождение или отношение к общественной работе. Основанием для академических чисток послужил декрет СНК от 16 мая 1924 года «О сокращении наличного количества учащихся в высших учебных заведениях». Сложная внутривластная ситуация в стране, заставила Советскую власть пересмотреть отношение к представителям интеллигенции. Уже в мае 1923 года Наркомпрос разослал инструкцию, в которой утверждалось, что «при проверке лиц не пролетарского происхождения необходимо, при наличии академической успешности, более осторожно подходить к детям лиц интеллигентных профессий, состоящих на советской службе (врачей, агрономов, учителей, инженеров), а также детей служащих, чем к иным выходцам из буржуазной среды»⁶. Партийные организации ревностно взялись за проведение чисток, но следует отметить, что часто студенты члены РКП(б) были среди тех, кто имел большое количество задолженностей. Члены парткома института направили в Губком резолюцию, принятую на общем собрании партактива: «исходя из перегруженности института и вытекающих отсюда последствий, как-то, разрушение государственного инвентаря, выпуск недоучек врачей, непролетарский состав студенчества, особенно старших курсов, академическая не активность, просить райком со своей стороны принять меры к очистке института от далёкого от пролетарской школы студенчества, и вообще элемента, который никакой пользы в будущем Советской власти принести не сможет»⁷. Так что, студенты партийцы требовали изгонять из института кого угодно кроме них. Если в середине 1920-х годов администрация института подходила к решению этого вопроса с академических позиций, то в конце 1920-х годов картина меняется, исключению подвергались по социальному происхождению. Именно в это время в делах института появились доносы студентов друг на друга, которые касались классового происхождения. В Правление Ленинградского медицинского института в январе 1929 года было подано заявление, подписанное организацией ВЛКСМ ЛМИ. В нём сообщалось, что «студентка 2-го курса Лысанова Анна Александровна, является дочерью торговца, ранее и в настоящее время лишённого избирательных прав. На основании вышеизложенного бюро просит исключить её из

⁶ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 11. Д. 10. Л. 54.

⁷ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (в дальнейшем ЦГАИПД СПб.) Ф. 257. Оп. 1. Д. 31. Л. 40.

института»⁸. Правлению института пришлось прислушаться к мнению комсомола, и отчислить студентку А.А.Лысанову. Писали доносы не только студенты института друг на друга, но в адрес Правления поступали заявления и от студентов других вузов, писавшие о своих земляках. В некоторых случаях, подобные доносы были плодом слухов и не имели никакого отношения к институту, но, тем не менее, приходилось разбираться и отвечать информаторам. Так, редакция газеты «Тамбовская правда» направила в институт информацию, полученную от анонимщика, подписавшегося «Случайный». Редакция требовала разобраться, как поступила в медицинский институт Е.В.Наумычева, являвшаяся дочерью тамбовского торговца. Пришлось администрации разбираться и отвечать редакции газеты, что она «приемных испытаний в институт не держала и заявлении о приеме не подавала»⁹.

Одной из задач советской власти становится гарантирование возможности в получении высшего образования для трудового населения. С отказом от вступительных испытаний новая власть понизила и возрастной ценз поступающих в вузы, теперь студентами становились с 17 лет. Создание рабочих факультетов должно было обеспечить возможность получить базовые знания, с тем, чтобы продолжить образование на младших курсах институтов. Как правило, они создавались при университетах и институтах, но в Петроградском медицинском институте рабфак не был создан. Формирование студентов 1-го курса происходило за счёт направленных на обучение рабфаковцев из других учебных заведений. С целью жёсткого контроля над поступающими абитуриентами, Главпрофобр потребовал от директора Б.В.Верховского направить все личные дела студентов в их распоряжение. Подобное требование вызвало резкую оценку директора, который писал, что «как бы то ни было, для меня было ясно, что власть, от имени которой он действовал, этой формой подтверждала своё недоверие ко мне как к лицу административному»¹⁰. Жёсткий контроль над поступающими абитуриентами не смог обеспечить выполнение задачи по пролетаризации студенчества. Добиться поставленной цели большевики смогут только в конце 1920-х годов. Как в то время, так и сегодня поступить в институт легче, чем в нём учиться. Это, кстати отмечал и Е.В.Первухин, возглавивший медицинскую часть Северо-западных коммун

⁸ ЦГА СПб. Ф. 3132. Оп. 1. Д. 61. Л. 19.

⁹ Там же. Л. 12.

¹⁰ ЦГА СПб. Ф. 3132. Оп. 1. Д. 18. Л. 3об.

Северной области (1918-1919 гг.). В своём выступлении он отметил, что «целый ряд лиц, бросивших медицинский факультет после первого же соприкосновения с работой на трупах, отказавшихся от прохождения физико-математического факультета из-за трудностей с химией, физики или математики. Таким образом, были затрачены время, труд, а результаты получились не те, которые ожидались первоначально»¹¹. Он стремился доказать, что трудности, с которыми сталкивались студенты, заставляли их покидать учебные заведения, а Правлению на их место принимать других студентов, как правило, из других социальных групп. Тем самым нарушался принцип классового подхода к образованию. Следует отметить, задача будет решена большевиками в начале 1930-х годов, когда жёсткой регламентацией приёма будет добиваться желательного результата.

Взятый курс новой власти на формирование во всех вузах партийных ячеек, которые должны были обеспечить выполнение постановлений власти. Следует признать, что некоторые оценки партийных организаций были не лишены ошибок, и выводы, в свою очередь приводили к неправильным действиям. То есть, партийные организации провоцировали конфронтацию с непролетарским студенчеством. Одним из примеров такого подхода может служить докладная записка о работе РКСМ в высших учебных заведениях. Она была составлена 4 октября 1921 года и в ней утверждалось, что «Октябрьская революция, которая в городе, а также и в деревне, стала бороться не только с крупной, но и с мелкой буржуазией оттолкнула от себя студенчество, по вполне понятной причине, ибо большинство студенчества принадлежало к мелкой буржуазии»¹². Подобное утверждение было явно ошибочным и привело к большим перегибам в высшей школе. Попытка поставить высшую медицинскую школу под свой контроль при помощи «милитаризации высшей школы» в 1921 году закончилась неудачей. Наверное, единственное, что удалось реализовать из этой политики так это смещение некоторых профессоров. Так в Петроградском медицинском институте был снят с должности директора профессор Б.В.Верховский¹³. Советская власть решила

¹¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 438. Л. 3.

¹² ЦГАИПД СПб. Ф. К.-601. Оп. 1. Д. 249. Л. 52.

¹³ Журавлёв А.А., *К истории как был уволен с поста директора Петроградского медицинского института профессор Б.В.Верховский*, „Учёные записки СПбГМУ им. акад. И.П.Павлова”, т. XX. №4, 2013, s. 5–11.

ослабить влияние Правления института передав все хозяйственные и финансовые вопросы в распоряжение проректора по административно-хозяйственной части, а его назначали из числа членов РКП(б), в Петроградском медицинском институте им стал О.К.Карапетян. Он становился вторым человеком в институте, получив возможность влиять на дела в институте, а также напрямую докладывая о состоянии дел в Главпрофобр и представителю Наркомпроса в Петрограде. Подобное двоевластие приводило к тому, что ректора предпочитали не конфликтовать с проректором по АХЧ, а тот не только получал основные бразды правления в институте в свои руки, но и в том числе назначения ректора и профессорско-преподавательский состав. Например, в 1926 году обсуждалась кандидатура на должность ординатора госпитальной терапевтической клиники, на должность претендовала коммунистка Васильева-Анвельт. В итоге О.К.Карапетян вынужден был отметить, что «ввиду создавшихся в этом вопросе осложнений во взаимоотношениях профессуры и студенческих представителей, - решили на этот раз не прибегать к утверждению врача Васильевой-Анвельт, используя административное воздействие высших советских органов¹⁴. Обострение взаимоотношений между властью и преподавателями, приходилось на середину 1920-х годов, когда Советская власть активно проводила реформирование высшей школы. При выборах Правления 1926 года представители от коммунистической фракции потерпели поражение. О.К.Карапетян, делая доклад на заседании Губкома РКП(б) 10 сентября 1926 года подвёл неутешительный итог. «В АМИ – потерпели поражение довольно изрядное, и не смогли обновить состав Правления, главным образом проректора по учебной части профессора А.А.Лихачёва, фигура для нас неприятная. Руководящая верхушка Правления осталась старой. Поражение на выборах объясняется недостаточной связью с группой преподавателей и профессоров, сочувствующих нам, в общем, положение не так плохо, но улучшение не заметно».¹⁵ Подобные конфликты продолжались до 1929-1930 годов, когда Советская власть стала избавляться от всех неудобных лиц профессорско-преподавательского состава.

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 11. Д. 7. Л. 173.

¹⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 2. Д. 1802. Л. 33.

Для того, чтобы подчинить задаче коммунистического строительства необходимы были соответствующие преподавательские кадры, но их просто не было в институте в это время. Среди профессоров только С.С.Халатов являлся членом партии большевиков. В его характеристике товарищи отмечали, что он «из интеллигенции, с 1903 по 1917 года являлся эсером, вступил в РКП(б) в 1921 году, но «замечается некоторый отрыв»¹⁶. В январе 1930 года партийная комиссия дала ему следующую оценку «между тем считая его чуждым элементом, а также за грубое отношение к студентами, за нетактичное выступление в Обществе марксистов, выразившееся в некоммунистическом поведении, то есть, что в Германии больше свободы для учёных, чем здесь - вынести выговор»¹⁷. О слабости партийного влияния в естественных науках, отмечалось в докладе «Об итогах обследования работы гражданских вузов и техникумов Ленинградской организацией ВКП(б)» в 1927 году, то есть через 10 лет после прихода к власти большевиков. В нём констатировали, что «на отделениях точных наук (математика, физика, естественнонаучные дисциплины или медицина) сильнее всего влияние профессуры, так как, прежде всего по этим предметам почти нет профессоров коммунистов, а с другой стороны в этих отделениях меньше всего комсомольцев и коммунистов»¹⁸. Большевикам приходилось с этим считаться и для ослабления влияния профессоров в начале 1922 года было создано СНО (Студенческое научное общество). Эта организация стала базой для подготовки новых научных кадров, которые должны были заменить профессоров. Но сложная медицинская наука в середине 1920-х годов давалась студентам тяжело. В данных об успеваемости за 1925/1926 учебный год отмечалось, что «успеваемость по медицинскому институту составила: хорошо успевающих – 84 (16,4%) студента, удовлетворительно – 143 (27,9%), и отстающих – 285 (55,7%)»¹⁹. Эти цифры показывают, что больше половины студентов не могли успешно осваивать сложную медицинскую науку.

К тому же возникали частые конфликты между беспартийными профессорами и членами партийного комитета института. В конце 1929 года разгорелся конфликт между профессором Л.А.Орбели и партийным выдвиженцем

¹⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 257. Оп. 1. Д. 28. Л. 12.

¹⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 257. Оп. 1. Д. 1218. Л. 13.

¹⁸ ЦГАИПД СПб. Ф.К.- 601. Оп. 1. Д. 904. Л. 40.

¹⁹ Там же. Л. 44.

А.А.Ющенко, являвшийся одним из пионеров студенческого научного общества. В частной беседе профессор назвал А.А.Ющенко «шкурником», что привело к конфликту между ними, в котором оказались, замешаны преподаватели и сотрудники института. Партийная организация готова была идти до крайности и требовала «не нужно останавливать перед уходом Орбели и сделать так, чтобы он ушёл как враг Советской власти».²⁰ К чести руководства института конфликт был погашен, но как говорится «осадок остался». В этот же период институт покинули С.С.Салазкин, ставший директором Всесоюзного института экспериментальной медицины, окончательно вынужден был покинуть институт Б.В.Верховский.

Уже к концу 1920-х годов Советская власть была близка к решению задачи замещения старой профессуры. Бюро ВКП(б) 4 курса института планировало «по согласованию со СНО и академической секцией выдвинуть 12 партийцев, 28 комсомольцев и 13 беспартийцев, близких по идеологии. Созданный институт выдвинутых понемногу оправдывает себя. Минусом научной подготовки партийцев и комсомольцев является незнание иностранных языков»²¹. Но вновь, мы вынуждены обратить внимание на падение качества подготовки и слабую эрудицию новых специалистов. Следует отметить, что партийные органы столкнулись ещё с одной проблемой «советской интеллигенции», которую никто не мог предположить. По мнению партбюро института «рабфаковцы или рабочие, поступая в стены вуза, через 5-6 лет становятся совершенно другими людьми. Почему это бывает? Есть такие случаи, когда рабочий, стопроцентный пролетарий, работавший на металлургическом заводе, становится другим человеком. Конечно, причина ясна, что влияет обстановка, влияет профессура, влияет дисциплина, которая идеологически преподносится не в нашем духе (бытие определяет сознание)»²². Таким образом, часть учащихся изначально поступали в институты, чтобы повысить материальный достаток и обеспечить безбедное существование. Не будем забывать, что и в городе и в деревне, долгое время, профессия врача и учителя считалась «чистой» и «достойной».

Советская власть стремилась дать возможность трудовому крестьянству и пролетариату получить высшее образование. В

²⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 257. Оп. 1. Д. 110. Л. 19об.

²¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 257. Оп. 1. Д. 123. Л. 83.

²² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 1. Д. 195. Л. 49.

первые годы это привело к созданию новых учебных заведений, который росли как грибы после дождя. Так в Петрограде для ослабления влияния двух академических школ (Военно-медицинской академии и Петроградского медицинского института) созданы были Государственный институт медицинских знаний и медицинский факультет при Петроградском университете. Требования к студентам были гораздо ниже, да и ощущалась проблема преподавательских кадров. В итоге медицинский факультет просуществовал всего несколько лет и был закрыт, как и другие учебные заведения в середине 1920-х годов.

Следует отметить, что и само студенчество не могло посвятить себя изучению сложной медицинской науки. Это было связано не только со слабой подготовкой, о чём мы уже отмечали, но и по состоянию здоровья. В отчёте института за 1924-1925 учебный год отмечалось, что «плохие жилищные условия, нерегулярное питание или хроническое недоедание с одной стороны и большая нагрузка занятий учебных и общественных с другой стороны, при необходимости добывания средств к жизни посредством тяжёлой физической работы, несомненно, сказываются очень сильно на ещё растущем организме (во многих случаях слушатели 1 курсов имеют 17-19 лет)»²³. Таким образом, студенчество сталкивалось с большим количеством проблем. Студенты вынуждены были учиться в сложнейших экономических и политических условиях. К тому же происходили изменения в учебных программах и в тех предметах, которые необходимо было изучать.

Подводя итог деятельности Советской власти в отношении высшей школы следует отметить, что на протяжении 1920-х годов она лавировала от союза со старой интеллигенцией, до полного её отстранения и изгнания. Для решения этой задачи большевики использовали административные и партийные ресурсы, а часто не гнушались демагогическими приёмами в отношении отдельных учебных заведений и преподавателей. Формирование советской интеллигенции позволило большевикам реализовать принцип доступности для населения высшего образования. К тому же происходило усиление партийного влияния в институте, которое руководствовалось классовым сознанием к студентам. К началу 1930-х годов партийная организация в институте стала равноценным

²³ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 527. Л. 276об.

игроком во внутренней жизни учебного заведения, и без её одобрения не принимались никакие решения.

*

Summary

On the question of Bolshevik policy in establishing control over higher education in 1920s (on example of Petrograd medical institute)

The article depicts the Soviet government's policy on higher education on an example of the Petrograd medical institute. During the first decade Bolshevik's policy has evolved, at first it had "Decree" character and has not affected the internal life of universities and institutes. In the mid-1920s started the second phase, characterized by displacement of the old professors, admission of students on the class principle and the formation of the new Soviet intelligentsia. By the end of the 1920s, students became obedient media for the Bolsheviks, that allowed to completely abandon all of the higher school pre-revolutionary heritage.

**

Ключевые слова: Петроградский медицинский институт, Народный комиссариат просвещения, студенты, советская власть.

Słowa kluczowe: Piotrogradzki instytut medyczny, Ludowy Komisariat Oświaty, studenci, rząd sowiecki.

Keywords: Petrograd medical institute, People's Commissariat for Education, students, Soviet government.

Журавлёв Александр Алексеевич – доцент Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И.П.Павлова, кандидат исторических наук.

Żurawlew Aleksandr Aleksiejewicz – docent Pierwszego Sankt-Petersburskiego Państwowego Uniwersytetu Medycznego im. akademika I. P. Pawłowa, kandydat nauk historycznych.

Zhuravlev Aleksandr Alekseevich – docent of First Pavlov State Medical University of St. Petersburg, candidate of historical sciences.